

эпизода) или из Сиция, Авзония и т. д.; во всяком случае, принципиально школьный, овидианский его характер ясен, даже если это свободная композиция на мотивы постоянных у римских поэтов конфликтов в роде ветров. Ломоносову нужно подставное, хотя и содержание для образца русских логоэдов; он берет его из школьно избитой тематической области. Отметим все же (оставляя даже метрическую сторону дела: первые в русской тонике логоэды, за полстолетия до державинских!), что здесь перед нами 1) зародыш будущих переводов из римлян для «Риторики», 2) первый у Ломоносова Борей, а так как впоследствии Борей сыграет громадную роль в системе одического календаря и одической метеорологии у Ломоносова (а затем во всей истории классической поэзии, вплоть до «Евгения Онегина»: «Вот Север, тучи пагоняя»), то в этом смысле (а также по мифологической грандиозности образов) прав П. Н. Берков, видя в отрывке предвестие будущего Ломоносова.

Прочие отрывки правильно объяснены П. Н. Берковым как обломки мадригалов, любовных песен, лирических идиллий и т. д., близких к «любовной лирике немецких поэтов 1720—1730-х годов». Это можно было бы уточнить (ср., например, Миртилу Ломоносова с Филиреной, Альбиной, Филлидой Гюнтера), найти прототипы, но суть дела ясна. Надо бы только добавить, что немецкая галантная лирика начала века отчетливо делилась на маринистскую и «разумную»,³¹ и Ломоносов, конечно, примыкает только ко второй.

Итак, Ломоносов-студент отваживается подражать только закраинам немецкой поэзии. Самое близкое ему, самое реальное в его душе — драма интеллигентного плебея в княжески-дворянской стране русского выражения еще не нашла. Отметим еще, что некоторые сохранившиеся отрывки выводят нас отчетливо за пределы Гюнтера. Два гексаметра:

Счастлива красна была весна, все лето приятно,
Только мутился песок, лишь белая пена кипела,

кстати, поразительно зрелые по фактуре, указывают на немецкие опыты, а, может быть, на Готшеда. Но немецкий гекзаметр 1730-х гг. — это тоже закраины.

Уже по связи с Гюнтером и по всей совокупности немецкой литературной обстановки надо предположить, что эстетика Ломоносова была в те годы отчетливо антимаринистской. Но это можно точно доказать.

Гюнтер, сам силезец родом, снисходительнее других относится к силезским маринистам; иногда, из соображений локального патриотизма, он с почетом упоминает представителей бреславльского Парнаса. Но элементы их стиля он вводит только в одном единственном случае: в одах на бракосочетание. Причины понятны:

³¹ *Waldberg M.* Die galante Lyrik. Strassburg; London, 1885, S. 24—25.